

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-11-1.21>

Назарова Вероника Сергеевна

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ "ЖИЗНЕННЫЙ МИР" СУБЪЕКТА В ПАРАДИГМЕ
ИНТЕРСУБЪЕКТИВИЗМА**

Концепт "жизненного мира" играет ключевую роль в неклассической картине мира. В философии Ю. Хабермаса, опирающейся на традиции феноменологии и социального конструктивизма, он используется для обоснования теории коммуникативного действия. Статья посвящена рассмотрению философского концепта "жизненный мир" через призму интерсубъективизма. Цель работы заключается в изучении эволюции этого сложного философского понятия и раскрытии новых актуальных возможностей его применения в современной публичной сфере. При этом особое внимание уделяется правилам и процедурам дискурса, в соответствии с которыми достигается согласие воли субъектов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/11-1/21.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 11(97). Ч. 1. С. 102-106. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

3. Гутиева Э. Ш. Введение диссертации (часть автореферата) [Электронный ресурс] // Гутиева Э. Ш. Осетинская интеллигенция в эпоху пореформенной модернизации (вторая половина XIX – начало XX вв.): дисс. ... к.и.н. Владикавказ, 2009. URL: <http://www.dissercat.com/content/osetinskaya-intelligentsiya-v-epokhu-poreformennoi-modernizatsii-vtoraia-pol-xix-nachalo-xx-#ixzz588spKWSv> (дата обращения: 19.09.2018).
4. Дзалаева К. Р. Осетинская интеллигенция (вторая половина XIX – начало XX века). Изд-е 2-е, перераб. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. 204 с.
5. Калоев Б. А. Осетины: историко-этнографическое исследование. Изд-е 5-е, стереотип. М.: Наука, 2015. 471 с.
6. Канукова З. В. Православие в формировании российской государственности и общероссийской идентичности в Осетии (конец XVIII – начало XX в.) // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. 2016. Вып. 20 (59). С. 40-50.
7. Кцоева С. Г. «Сошествие во ад» VS «Легенда о Великом госте»: христианский догмат в этнорелигиозной системе осетин // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. 2018. Вып. 28 (67). С. 19-32.
8. Мамиев М. Э. Аланское православие: история и традиция. М.: СЭМ, 2014. 254 с.
9. Уарзиати В. С. Праздничный мир осетин. Владикавказ: Ир, 1995. 460 с.
10. Шанаев Дж. Свадьба у северных осетин // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / сост. А. Л. Чибиров. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2014. Вып. 7. С. 435-454.

PROBLEMS OF WORLD OUTLOOK TRANSFORMATIONS OF THE OSSETIANS' ETHNORELIGIOUS SYSTEM

Ktsoeva Sultana Gil'midinovna, Doctor in History

*V. I. Abaev North-Ossetian Institute of Humanities and Social Studies (Branch)
of Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
sultana_t@mail.ru*

In the article, on the basis of theoretical material with the involvement of ethnographic sources, the processes of the transformation of the Ossetians' mythological world outlook into the religious one are analysed. The author has identified the approximate chronological framework of this process, having pointed out its possible causes; the main one was the involvement of Ossetia into the sphere of the Russian cultural and political influence in the second half of the XIX – at the beginning of the XX century. The mentioned influence first of all determined the modernization of the Ossetian mountaineers' consciousness, which was expressed, in particular, in enriching ethnic religion with the elements of doctrinal religions, primarily, Orthodox Christianity.

Key words and phrases: Ossetia; the Ossetians' ethnic religion; mythological world outlook; religious world outlook; modernization; doctrinal religions; Christianity; Islam.

УДК 141.3

Дата поступления рукописи: 16.08.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-11-1.21>

Концепт «жизненного мира» играет ключевую роль в неклассической картине мира. В философии Ю. Хабермаса, опирающейся на традиции феноменологии и социального конструктивизма, он используется для обоснования теории коммуникативного действия. Статья посвящена рассмотрению философского концепта «жизненный мир» через призму интерсубъективизма. Цель работы заключается в изучении эволюции этого сложного философского понятия и раскрытии новых актуальных возможностей его применения в современной публичной сфере. При этом особое внимание уделяется правилам и процедурам дискурса, в соответствии с которыми достигается согласие воли субъектов.

Ключевые слова и фразы: дискурс; интерсубъективность; феноменология; «жизненный мир»; «Другой»; публичная сфера; репрезентация; коммуникативное действие; консенсус; институциализация.

Назарова Вероника Сергеевна

*Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону
doors80@mail.ru*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ЖИЗНЕННЫЙ МИР» СУБЪЕКТА В ПАРАДИГМЕ ИНТЕРСУБЪЕКТИВИЗМА

Научное знание в современном информационном обществе имеет изменчивый характер, как в отношении общих принципов научного знания, так и познающего субъекта. Его критерии меняются в зависимости от конкретного этапа развития науки в целом, а также его норм и ценностей по отдельности. В XX в. большое значение приобрели теории, разработанные в парадигме структурализма, феноменологии и лингвистической философии. При этом их центральными понятиями становятся дискурс и интерсубъективность. В результате происходит обращение к новым терминологическим концептам, которые раскрывают условия и особенности научного познания в интерсубъективном контексте. Значимым концептом новой философской традиции стало понятие «жизненный мир», которое обрело новый актуальный смысл в связи с интерпретацией его значения в теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Цель статьи состоит в том, чтобы обозначить новый подход к раскрытию столь важного понятия и показать наиболее значимые стороны его применения в современном обществе.

В феноменологической традиции Э. Гуссерля интерсубъективность приобретает особое значение при исследовании концепта «жизненного мира» субъекта. Это центральное для своей философской системы понятие

было введено в научный оборот в 30-е гг. XX в. Концепт «жизненного мира» был связан с новым переосмыслением познающим субъектом рациональных оснований научного знания. В своем докладе в Париже Э. Гуссерль анализировал кризис европейских идеалов в контексте общего состояния европейской науки [3, с. 2-4]. При этом философ отмечал, что естественный, дотеоретический мир первичен. В нем взаимодействующие формы даны изначально, при этом ретроспектива жизненного мира субъекта редуцирует к нему все понятия, методы и теории науки. Универсальные априорные структуры жизненного мира первичны относительно любого объективно-логического уровня знания. Специфическая онтология жизненного мира в этом смысле представляет собой универсальный «предданный» тип действительности. В отличие от классического объективного представления о знании, само понятие «предданный» характеризует радикальное изменение. Э. Гуссерль ставил задачу создания новой науки, которая, в отличие от классической науки, ориентированной только на математическую картину мира (лапласовский детерминизм), была бы универсальной и оперирующей априорными феноменами, а не сводила бы отношения к исключительно объективно-субъективной редукции.

В отношении анализа «жизненного мира» интересны следующие выводы Э. Гуссерля. Во-первых, тождественность сущего и смысла, с одной стороны, и абсолютная субъективность, которая конституирует смысл, – с другой. Во-вторых, феноменологическая рефлексия приводит к трансцендентному «Я» как некоторому мотиву всякого познания. Этот источник обоснования знания подразумевает любую возможность познания в целом, включая все источники «жизненного мира» субъекта познания. При этом интерсубъективность понимается как универсальная социальность, общее пространство для всех субъектов. Жизненный мир субъекта уже сам по себе является условием и причиной всех смысловых образований, но обнаруживает он себя только посредством трансцендентного поворота как «пред акт» субъективности [Там же, с. 14-27].

Первая значимая интерпретация «жизненного мира» в интерсубъективно-социологическом смысле была дана А. Шюцем. Прежде всего, это мир культурных смыслов, универсальных обозначений, которые мы устанавливаем только посредством действий [7, с. 194]. Идея интерсубъективности конкретизируется при помощи тезиса о взаимной перспективе субъектов. А. Шюц опирается на два основных правила социальной жизни. «Взаимозаменяемость точек зрения» предполагает, что каждый принимает на веру то, что я и любой другой человек будет одинаково принимать наш общий мир, если мы поменяемся местами. При этом наши способности переживания мира окажутся идентичными. Второе правило «совпадения систем релевантности» означает, что я и любой другой человек принимает на веру одинаково значимые идеи и принципы, несмотря на уникальность каждого из нас. Объекты интерпретируются в одинаково разделяющемся смысле. Разделяемое субъектами знание усваивается и конституируется в значениях, общих и универсальных для всех [Там же].

Вторая интерпретация концепта «жизненного мира» в социологическом контексте была предпринята Э. Левинасом и имела этическое значение. Жизненный мир – это мир отношений людей, опыт непосредственных межлических отношений Я и Другого [4]. Наконец, Г. Блюменберг понимал «жизненный мир» в дофилософском, дорефлекторном смысле, в котором человек не задается вопросом о смысле жизни и не выдвигает суждений о нем [9, S. 4-8].

В отличие от феноменологической и социологической традиций, критический позитивизм рассматривает «жизненный мир» как особое место, где происходит проблематизация научного знания. Понятие «жизненного мира» оказалось широко востребованным сторонниками постпозитивизма. При этом его смысловое наполнение значительно расширилось, и оно стало использоваться не только для описания трансцендентной онтологической природы коммуникации, но и как один из терминов в теории познания. Именно в таком качестве понятие «жизненного мира» встречается в трудах К. Поппера.

Известный британский философ и методолог науки полагал, что существует физический мир и мир состояний сознания, и что они взаимодействуют между собой. Результатом такого взаимодействия становится появление «третьего мира», представление о котором сформировалось у К. Поппера под несомненным влиянием концепции «жизненного мира» Э. Гуссерля. Элементами этого мира у К. Поппера являются проблемные ситуации, критические аргументы, рационально ориентированные дискуссии и «терапевтическая критика» научных теорий. По мнению философа, некоторые элементы этого мира являются ложными, тогда как другие истинны. Он отмечает, что все элементы «третьего мира» постоянно существуют в условиях конкуренции и соревнования друг с другом, в ходе которого выживают лишь наиболее приспособленные. «Третий мир» в представлении К. Поппера является продуктом человеческого духа.

К. Поппер сравнивает «третий мир» с неким платоновским миром, который наличествует в бытии сам по себе посредством действия книг, проблем, проблемных ситуаций и рассуждений об этом. Несмотря на человеческую природу, которой он порождается, внутри этого жизненного мира возникают идеи и проблемы, существующие сами по себе и которые никогда не будут поняты в этом качестве. Особая роль при описании дискурсивного характера третьего мира отводится языку, который развивается вместе с этим миром. Более того, он видит особенности нашего рационального мышления в греческом происхождении европейской цивилизации, которая зависит от теорий и мифов, включенных в язык. Речь идет о рациональном мышлении, которое сложилось в европейском рационализме, как об особом способе бытия и познания.

В контексте идей К. Поппера коммуникация может рассматриваться не только в качестве одного из концептов социологического конструктивизма, но и как интегрирующая теория познания для философии в целом. Проводимая им демаркация между наличием двух различных смыслов, которые заложены в понятиях знания и мышления, может быть сведена к проблеме условий понятийного мышления. Если первое он находит в субъективной мысли как особом состоянии ума, сознания или «диспозиции действовать определенным образом», то второе сводится им к поиску объективного смысла. По мнению К. Поппера, мышление не зависит от чьего-либо требования знать, а только от веры или диспозиции соглашаться, утверждать или действовать. Основание

новой европейской традиции коммуникативного пространства в системе жизненного мира, опосредованного языковыми требованиями, К. Поппер находит в моральном единстве познания как объективной деятельности. При этом подчеркиваются автономность и естественное состояние общества, которое порождает новое знание. Источником познания являются соглашения, достигнутые в ходе коммуникативного дискурса. Что же касается собственно социальных теорий, то последние, по мнению К. Поппера, являются инструментами, посредством которых философ пытается внести некоторый порядок в процесс осмысления коммуникации на уровне самых общих понятий и категорий.

Роль жизненного мира в становлении и развитии познавательной способности человечества сводилась К. Поппером к следующему положению. «Третий мир есть естественный продукт человеческого существа, подобно тому, как паутина является продуктом поведения паука. Третий мир в значительной степени автономен, хотя мы постоянно воздействуем на него и подвергаемся воздействию с его стороны. Он является автономным, несмотря на то, что он есть продукт нашей деятельности и обладает сильным обратным воздействием на нас, то есть воздействием на нас как жителей второго и даже первого миров. Посредством этого взаимодействия между нами и третьим миром происходит рост объективного знания» [5, с. 104]. Таким образом, «третий мир» как коммуникативное пространство, имеющее автономную природу, рационален. Именно благодаря этому его имманентному свойству теория коммуникации может существовать не только в качестве концепта многочисленных теорий социального конструктивизма, но и претендовать на самостоятельное философское значение.

Продолжателем рассмотренной выше традиции выступил Ю. Хабермас, который вводит термин «жизненный мир» в свою концепцию коммуникативного действия. Учитывая синтетический характер этой концепции, основанной главным образом на положениях, полученных сторонниками постпозитивизма и феноменологии, ее автор анализирует эволюцию публичной сферы общества и ее основных компонентов в зависимости от социокультурных условий развития жизненного мира. В работе Ю. Хабермаса «Структурные изменения публичной сферы» (1990) ставится ряд вопросов, связанных с легитимацией коммуникативных решений посредством деятельности отдельных общественных структур. Обосновывая необходимость такого анализа, автор указывает на «оставшийся открытым вопрос о базисе и источниках неформального образования мнений в автономных публичных сферах» [6, с. 5]. Он подчеркивает, что для этой цели непригодно и холистическое требование политической самоорганизации общества. Исходя из данных положений, вполне резонно задать вопросом о том, может ли коммуникация, основанная на принципах морального универсализма, стать новой трансцендентной идеей философии, и есть ли к тому предпосылки. Чтобы ответить на него, следует обратиться к анализу ключевых положений упомянутой работы Ю. Хабермаса.

Отправным пунктом теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса является идея о коммуникативном разуме. При этом имеются в виду некоторые предпосылки для достижения согласия между людьми, которые автор данной концепции находит в структуре языка. Благодаря коммуникации посредством дискурса язык выступает связующим звеном или медийным пространством, в котором субъекты достигают согласия между собой. Мироззрение участников дискурса при этом строится на уровне объективных, социальных и субъективных миров. Это разделение связано с главным свойством коммуникативного разума – его потенциальной актуальностью. Речь в данном аспекте теории коммуникативного действия идет о том, что коммуникация есть постоянно обновляющийся, становящийся процесс. Однако рациональная значимость такого рода знания заключается в нормативных требованиях, которые предъявляются к его участникам. Правило наилучшего аргумента, которое делает возможным дискурс, определяет направленность коммуникации и придает ей ценностно-рациональные свойства. Причем ценности, достигнутые таким способом, приобретают значение нормативных оснований. В данном случае они могут быть выражены в виде экономических, правовых или политических требований, которые принимаются официально посредством государственных установлений. «Жизненный мир» субъекта коммуникации дополняется правилами системного мира, в который входят институционализированные сферы общественной жизни. Взаимное дополнение этих двух значимых миров в рамках теории коммуникативного действия возможно, только если присутствует та степень конвенциональных соглашений, которая позволяет свободно оперировать всеми рациональными условиями жизнедеятельности отдельного субъекта и общества в целом. Коммуникативный разум, согласно теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, приобретает в ходе правильно оформленного дискурса онтологические свойства.

Исходным тезисом, на котором строится политико-правовая концепция автора, является размежевание публичной и частной сфер, а также определение их институциональных границ. Автор указывает, что «сама публичность предстает в виде некоей сферы – область публичного противостоит частному. Иногда она проявляется просто как сфера общественного мнения, которая противостоит официальной власти» [Там же, с. 40]. По мнению Ю. Хабермаса, публичная репрезентация является показателем коммуникативной слаженности общества и необходимым условием его возможного воздействия на государственную власть. Историческая ретроспектива публичной сферы в эпоху античности и Средние века отражает зависимость жизненного мира субъекта от мифологической и религиозной картины мира. С эпохой Нового времени возникают новые потребности в институционализации публичной репрезентации. Жизненный мир усложняется в связи интенсивностью экономических и политических отношений. При этом финансовый и торговый капитализм Европы создает новые способы коммуникативного взаимодействия. С появлением такого института, как биржа, возникает потребность в непрерывности движения товаров и ценных бумаг. Это, в свою очередь, требовало активной передачи информации и появления технических средств – почты и прессы.

Роли прессы Ю. Хабермас уделяет особое внимание, отмечая, что она постепенно стала центром коммуникации новоевропейского общества. Наряду с объявлениями, носящими бытовой характер, в газетах стали публиковаться котировки рынка, цены на продовольствие и другие виды товаров. С последней трети XVII в. наряду

с газетами появляются журналы, содержащие не только торговую информацию, но также педагогические наставления и даже критику и рецензии на книги. Новыми институтами публичной репрезентации становятся также кофейни и салоны. Во Франции и Англии они становятся сосредоточением сначала литературной, а затем и публичной жизни. Кофейни стали местом диспутов не только влиятельных аристократов, но и ремесленников и даже мелких торговцев. Салоны и кофейни Англии, Франции и Германии могли отличаться с точки зрения численности и состава публики и атмосферы резонерства, но при этом все они организуются частными лицами. Для этого вида коммуникации есть ряд институциональных критериев. Во-первых, здесь был востребован особый вид общественного дискурса, который подразумевал равенство статусов участников вне зависимости от сословной принадлежности. Во-вторых, дискуссия в такой обстановке предполагала проблематизацию тех областей, которые прежде не вызвали вопросов. В-третьих, такой же процесс, переводящий культуру в товар и тем самым впервые обеспечивающий возможность дискуссии о ней, принципиально не давал публике обособиться. Вопросы становятся обсуждаемыми не только из-за своей значимости, но и благодаря доступности. Институционализация музеев, театров и концертной практики провоцировала любительские суждения и дискуссии об искусстве. При этом коммуникация становится медиумом их усвоения [Там же, с. 41].

Несмотря на условные культурные различия создания форм публичной репрезентации, общие ее правила связывали общество на основе нестратегических целей. Жизненный мир конструировался благодаря критическим дискуссиям, которые стали главным показателем развития коммуникации в Новое время. Однако критические дискуссии всегда трудны для общества. В них постоянно вмешиваются нерациональные человеческие факторы. В частности, К. Поппер уточнял условия критической дискуссии в том отношении, что лишь «малейшее прояснение какой-либо проблемы или ничтожнейшее небольшое продвижение к более ясному пониманию своей или чужой позиции – величайший успех». В то же время он акцентировал внимание на том, что «вашу победу в дискуссии, которая ни в малейшей степени не помогла вам изменить или уточнить свои взгляды, следует рассматривать как полнейшую неудачу. По этой же причине изменения в позициях дискутирующих сторон нельзя производить тайно, а всегда следует их подчеркивать и исследовать их следствия. Так понимаемая рациональная дискуссия – явление редкое, но в качестве идеала ее значение велико. И мы можем научиться достигать такого уровня дискуссии. Цель ее не в том, чтобы заставить противника перейти в другую веру; ее устремления скромны – вполне достаточно, даже более чем достаточно, чтобы мы почувствовали, что умеем теперь видеть вещи в новом свете, или что нам удалось хотя бы немного приблизиться к истине» [5, с. 109].

Таким образом, в структурах публичной сферы содержатся предпосылки для складывания коммуникативного пространства критически мыслящих субъектов. Но эволюция этой сферы указывает на дополнительные условия, необходимые для того, чтобы дискурс состоялся и имел «нормативную значимость». Функциональное изменение принципа публичности основано на изменении структуры публичной сферы, чей важнейший институт – пресса – подвергается постепенной трансформации. С одной стороны, по мере коммерциализации исчезает барьер между областями, где циркулируют товары, и общается публика; в частном пространстве размывается ясная граница между публичной сферой и приватной. Но с другой стороны, публичная сфера вообще перестает быть исключительной частью частного пространства. Жизненный мир субъекта опосредуется системным миром, однако взаимообусловленность этих сфер бытия человека развивается в условиях коммуникации, особое значение в которой приобретает критически выстраиваемое пространство дискурса, в свою очередь, имеющее особые универсальные нормативные требования.

Таким образом, «жизненный мир» субъекта, будучи важным концептом интерсубъективизма, меняет свое значение в современном контексте философского знания. Изначально Э. Гуссерль вводит это понятие в соответствии с методами феноменологической редукции. Для него «жизненный мир» являлся особым процессом фиксации смысла и «смыслообразования», в котором дотеоретические феномены-очевидности задают рамки любому взаимодействию [2, с. 495]. Отталкиваясь от феноменологической традиции, Ю. Хабермас исходит из того, что структуры жизненного мира не задаются лишь интенциями, а конструируются знанием и опытом, которые заложены в языке и культуре общества. Он отмечает, что это «мир первичных перформативных действий, социальных отношений в определенный культурно-исторический момент» [Цит. по: 1, с. 37]. В этом отношении его мысли созвучны со взглядами известного сторонника социального конструктивизма А. Шюца. Однако, в отличие от социологического анализа этого понятия, Ю. Хабермас в своей теории обращается не только к культурной редукции, но и к институциональным структурам сознания субъекта. Познающий субъект отделен от объекта познания неким горизонтом повседневности практического разума, который не позволяет ему отбросить его логику. Именно в повседневном мире можно увидеть те структуры, которые задают регламент любого действия субъекта. Благодаря этим требованиям формируется объективное знание, о котором мы «договариваемся». Посредством введения формальных требований участники претендуют на то, чтобы разделять общие для них конвенциональные нормы. Необходимость институционализации дискурса, согласно идеям Ю. Хабермаса, видится в создании реальных социальных институтов, упорядочивающих деятельность «коммуникативной общественности» и нейтрализующих негативные внешние и внутренние воздействия на ход дискурсов [10, р. 305-317].

Наконец, следует помнить, что требования, которые предлагает Ю. Хабермас в качестве нормативных универсалий, могут быть применены только в том случае, если жизненный мир субъектов наполнен рефлексивными смыслами коммуникативного разума. К сожалению, современное информационное пространство породило параллельный виртуальный мир. Следствием его появления стали быстрота и доступность информации. Но при этом реальный мир замещается социальными аккаунтами, в которых действует не притязание на нормативную значимость, а напротив – асоциальность и персонифицируемость. Современные интернет-площадки, конечно, упрощают взаимодействие, но при этом объективным образом размываются сами основания

дискурса. С. Бенхабиб метко описывает Интернет как сферу «нарциссической репрезентации», в рамках которой диалог замещается «разговором», в котором уже нет притязания на значимость [8, р. 14-15]. Мышление при этом не стремится к рефлексии, а замещается клиповым сознанием. Эти обстоятельства не только еще раз показывают принципиальную значимость интерпретации концепта «жизненного мира», предложенную Ю. Хабермасом, но и служат предостережением в отношении того, насколько деструктивным может оказаться дискурс, в ходе которого нарушены правила притязания на значимость.

Список источников

1. **Вербилевич О.** Теория коммуникативного действия: ключевые категории и познавательный потенциал // Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой и П. В. Романова. М.: Вариант, 2013. С. 35-55.
2. **Гуссерль Э.** Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. Мн. – М.: Харвест; АСТ, 2000. 752 с.
3. **Гуссерль Э.** Философия как строгая наука: в 3-х кн. Новочеркасск: Сагуна, 1994. Кн. 1. 324 с.
4. **Левинас Э.** Путь к Другому / пер. Е. Бахтиной. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. 239 с.
5. **Поппер К.** Объективное знание. Эволюционный подход. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 384 с.
6. **Хабермас Ю.** Структурное изменение публичной сферы. М.: Весь мир, 2016. 342 с.
7. **Шюц А.** Феноменология и социальные науки // Шюц А. Избранное. Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 180-202.
8. **Benhabib S.** Situating the Self: Gender, Community, and Postmodernism in Contemporary Ethics. N. Y.: Routledge, 1992. 260 p.
9. **Blumenberg H.** Theorie der Lebenswelt. Berlin: Suhrkamp, 2018. 200 S.
10. **Habermas J.** The Idea of the Theory of Knowledge as Social Theory // Habermas J. Knowledge & Human Interests. The University of Virginia: Polity Press, 1987. P. 301-317.

**TRANSFORMATION OF THE NOTION OF SUBJECT'S "LIFEWORLD"
IN THE INTERSUBJECTIVISM PARADIGM**

Nazarova Veronika Sergeevna

*Southern Federal University, Rostov-on-Don
doors80@mail.ru*

The concept "lifeworld" plays the key role in the non-classical worldview. In Jürgen Habermas's philosophy, based on the traditions of phenomenology and social constructivism, it is used to substantiate the theory of communicative action. The article is devoted to the consideration of the philosophical concept "lifeworld" through the lenses of intersubjectivism. The work is aimed at studying the evolution of this complex philosophical notion and uncovering new actual possibilities for its use in the modern public sphere. Special attention is paid to the discourse rules and procedures, according to which subjects' will accord is achieved.

Key words and phrases: discourse; intersubjectivity; phenomenology; "lifeworld"; "the Other"; public sphere; representation; communicative action; consensus; institutionalization.

УДК 17.021.2

Дата поступления рукописи: 15.07.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-11-1.22>

В статье сравниваются персонажи супергеройских комиксов в России и в США. В частности, предметом исследования выступает «пост-человек» в комиксе как наследник ницшеанского сверхчеловека. Автор приводит типологию «пост-человека» в заокеанских комиксах и демонстрирует сходство и отличие отечественных супергероев от американских образцов: только в половине случаев российские персонажи могут рассматриваться как примеры «пост-человека», схожего с американским супергероем, в то время как другая половина отечественных супергероев на них не похожа. Более того, большинство из них являются проводниками идей русского гуманизма, что приближает их к традициям русской литературы.

Ключевые слова и фразы: комикс; «пост-человек»; сверхчеловек; супергерой; Ницше; транс-человек; русский гуманизм.

Садуов Руслан Талгатович, к. филол. н.

*Башкирский государственный университет, г. Уфа
Ruslan.Saduov@gmail.com*

**«ПОСТ-ЧЕЛОВЕК» В РОССИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ
СУПЕРГЕРОЙСКИХ КОМИКСАХ**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Лингвокультурная и ценностная идентичность в современном российском комиксе» № 17-04-00061-ОГН.

Вступление

Комикс в России имеет непростую историю становления. Советские идеологи объявили его примитивным видом искусства, хотя, безусловно, понимали персуазивный эффект жанра и использовали для собственных целей: в стране советов существовали детские рисованные истории – «Мурзилка», «Веселые картинки»,